

Ярослав Александрович Галан дописывал последние строки своей статьи. Он писал о том, что исход битвы в западноукраинских землях уже решен, но битва продолжается. На этот раз — битва за урожай, за досрочное выполнение производственных планов, за дальнейший подъем культуры и науки.

Он своим острым политическим зрением прекрасно видел масштабы этой битвы, ее высокий накал, и потому тщательно подбирал слова, чтобы точнее выразить мысль:

— Трудности есть, иногда большие: много всякой швали путается еще под ногами. Однако жизнь, чудесная советская жизнь, победоносно шагает вперед и рождает новые песни, новые легенды, в которых и львы, и боевая слава будут символизировать отныне только одно: величие освобожденного человека.

О львах писатель вспомнил не по ассоциации с городом Львовом, где жил, а вот почему: в народной легенде этот крупнейший западноукраинский город назван был городом задумчивых львов, которые оживают, когда сердце народа переполняется обидой и гневом. Много раз над этим городом за всю его древнюю историю прокатывались вражеские чашевости, потрясали его социальные бури, и тогда львы — гласило предание — сходили со своих каменных постаментов. Но просыпались люди, выходили на улицы, и рождалась, выковывалась боевая

Ярослав Галан

мужественно. Его творчество никого не оставляло равнодушным. С каждым новым рассказом, пьесой, памфлетом росла к нему любовь прогрессивно мыслящих людей. А по затхлым тулкам жизни, на ее задворках вскармливалась ненависть к нему бандитствующих националистов разных мастей. Ему не раз угрожали, в двадцатые—тридцатые годы сыпались на него репрессии, узнал он и тюрьмы панской буржуазной Польши, но ничто не могло сломить его. «Мы смотрим только на Восток...» — часто с гордостью повторял слова своего друга по прогрессивному журналу «Викна» А. Гаврилюка. Чтобы говорить так в те годы разгула, с одной стороны, реакции в буржуазно-помещичьей Польше, с другой — буржуазного национализма на западноукраинских землях, требовалось большое мужество. Ведь пройдет еще немало лет, прежде чем этот край навсегда воссоединится с Советской Украиной.

«Викна» издавалась в 1927—1932 годах. И это были годы, когда в полной мере проявился у Галана страстный талант публициста. Он с гневом и горем писал о тяжелой доле тех, кто растил на земле хлеб, с презрением — о панах и панках. Он придумал «страну Батагонию» и в памфлете «Последние годы Батагонии» рассказал о том, как над батагонскими работниками от восхода до захода солнца свистели батоги, а когда они пытались протестовать, их, как бешеных собак, расстреливали. Читатели «Викон» без тру-

тически острых, страстных и гневных репортажей. Он писал о том, как в течение четырех часов смонтировал из отрывков гитлеровской кинохроники, снятой во имя прославления нацизма, а ставшей документальным свидетелем обвинения на Международном военном трибунале. Писал об «Острове чудес» в Мюнхене, где под крылышком американских оккупационных властей собралось бежавших в обзоре гитлеровских оккупантов националистов: в списке «студентов» так называемого университета ЮНРРА нашел он знакомые фамилии головорезов. Для него все они на одно лицо: и Храпливый, которого во Львове нахваливал палач Франк, и андерсевец в черном берете, предложивший парабеллум и патроны к нему за шестьсот марок, и «пираты Эдельвейса» — недобитые эсэсовцы. Всех их он ненавидит одной жгучей ненавистью, ибо интернационализм был его кредо, и он хорошо по опыту знал, что именно под нарочито выставленными напоказ национальными одежками скрывается порою человеческая гниль.

В Нюрнберге Галан создал ряд памфлетов о заправилках третьего рейха, нацистских палачах, представших перед судом народов. Нет более жалкого зрелища, писал Ярослав Галан, чем конец карьеры нацистских вершителей судеб Германии. В роде человеческого было немало узурпаторов, более или менее жестоких, более или менее подлых, но ни один из них не дал миру картины такого позорного распада, как это сделали творцы третьего рейха в час, когда история указала им на дверь.

И зная, что далеко не все сражения уже отгремели, Ярослав Галан там, в Нюрнберге, делает пометки в своем журналистском блокноте: «Говоря об украинских (и не только украинских) телохранителях нацизма, Геринг с подчеркнутым презрением кривит губы:

— Я их глубоко презираю, но ведь во время войны берут то, что есть под рукой».

Пройдет совсем немного времени, и Ярослав Галан напишет очерк «В дебрях», в котором даст развернутую уничтожающую характеристику буржуазного национализма и его проводников, вдохновителей этой «пестрой братии наемных убийц, международных аферистов, ветеранов и молодых адептов шпионского ремесла».

Галан предвидел, что найдут они новых хозяев и еще будут на какое-то время для него, как и для всего народа, жестокими врагами, пока народный гнев не сбросит их навсегда на свалку забвения.

Он знал их по именам и в лицо — этих убийц и слащавых продажных писаков, он яростно сражался с ними еще в те годы, когда стонала его земля под панским ярмом, а потом пылала в пожаре войны. И не случайно на длительное время именно памфлет стал его оружием в борьбе с ними, ибо достойны были все эти желтоблакистые мерзавцы только презрения, только гнева.

Еще в августе 1944-го в только что освобожденном от фашистов Львове Ярослав Галан выступил перед интеллигенцией города и области с докладом о советско-польских отношениях. Он предупреждал: «Нам нельзя ни на минуту забывать, что национальная вражда — это оружие, которым особенно охотно пользуется враг. К этой мысли он не раз возвращался впоследствии, не уставая напоминать литераторам наказ Ильича о борьбе с национализмом, и «своим», и «чужим».

Будучи уже известным писателем, Галан не оставил газетную работу, не чурался хлопотных корреспондентских обязанностей, ибо считал, что ничто не может сравниться по оперативности именно с газетным словом.

В театрах шли его пьесы, издательства просили его новые книги, а он ночи просиживал за письменным столом над корреспонденциями для газет, в которых клеймил предателей народа и восславлял ростки новой жизни на западноукраинских землях. Не секрет, что тогда нередко раздавались ночами выстрелы из-за угла, бандеровские банды жгли дальние села, а он постоянно выезжал в командировки, встречаясь с множеством людей, и его дом — дом народного депутата — в любое время был открыт для всех. И даже когда в глухом уголке парка пули просвистели над его головой, он никак не изменил своих привычек и своего открытого образа жизни. Ибо видел Ярослав Александрович свой долг писателя не только в том, чтобы писать хорошо и талантливо, но и в не менее важном — быть в гуще схватки, на передовых линиях жизни.

«Шаг истории тверд, ее стремления вперед непреклонны, как непреклонно стремление человечества к мирному творческому труду», — это было написано Галаном еще в 1949-м, но годы не внесли никаких «редакторских» поправок в эти слова, как и во все его творчество. Ибо писал он не на день, а для эпохи, для своего народа, который любил огромной и ясной любовью.

Лев КОРЕШОВ

ПОДВИГ ПИСАТЕЛЯ

слава... А после Великого Октября отвага храбрых перестала быть мужеством обреченных.

Ярослав Галан писал об удивительных преобразованиях «земли в ярме», как звали Закарпатскую Украину до ее вхождения в состав Украинской Советской Социалистической Республики. Он славил людей, мужеством и трудом которых этот стародавний край обрел новую, поистине солнечную жизнь. Свой очерк писатель так и назвал: «Величие освобожденного человека».

Он дописывал его заключительные строки в своем рабочем кабинете 24 октября 1949 года. Было утро, и работало хорошо. На столе лежала еще его книга военных лет «Фронт в эфире» — оттуда намеревался он взять небольшое дополнение для статьи в «Известиях». За спиной был книжный шкаф — здесь любимые книги, которые раскрывались, когда одолевала усталость. Писал он много, по-газетному оперативно, иногда трудно, но всегда так, как подсказывало сердце.

А вот статья «Величие освобожденного человека» шла, выписывалась радостно, ибо она была о счастье родной земли, о людях, которых он так любил.

И когда была дописана последняя строка и поставлена точка, его подло убили, и кровь ярко упала на газеты и рукопись. Буржуазно-националистические террористы оборвали жизнь писателя-коммуниста в те его дни и мгновения, когда талант его достиг высочайших вершин, с которых и он видел далеко, и его увидел весь народ.

Ярославу Галану было тогда всего сорок семь лет, а сегодня ему было бы уже восемьдесят, но, как известно, талант всегда молод, мужество не стареет, потому и остался он в бесконечной памяти народа навсегда таким, каким был.

Точка под последней строкой последнего его очерка не стала заключительной ни в его творчестве, ни в жизни. Он знал, что может погибнуть. По свидетельству современника, когда Ярославу Александровичу стало известно о том, что бандиты застрелили инициатора группы по созыву собора греко-католической церкви украинского патриота Гавриила Костельника, Галан сказал:

— Следующая очередь моя! К безмерному сожалению, он не ошибся. И погиб через четыре года после войны, на которую рвался добровольцем, чтобы защищать свою Родину и свои идеалы. Еще в 1924 году он вступил в Компартию Западной Украины, находившуюся в подполье, и, пройдя через многие грозы и испытания, до последнего дыхания оставался борцом-коммунистом.

Жизнь его хорошо известна, имя его прочно вписано в летопись Советской Украины. Его книги и сегодня переиздаются, изучаются в школах. Ведь талант его

был бесстрашным, открытым для всех. Здесь надо напомнить, что многие годы жизни писателя пришлось на время, когда шла яростная классовая борьба на западноукраинских землях, которые были насильственно разведены с Советской Украиной и до 1939 года являлись колонией польских помещиков, магнатов, буржуазии.

Порою не даты рождения и смерти становятся переломными в судьбах людей, а другие вехи — печальные и радостные, которые пропахивает по жизненной ниве плуг истории. Так и в судьбе Галана есть годы-вехи...

1920-й — Красная Армия вынуждена была отступить, и девятнадцать лет Западная Украина еще оставалась «землей в ярме»;

1939-й — завершилось воссоединение украинских земель в единую Украинскую Советскую Социалистическую Республику;

1941-й — полыхнули залпы Великой Отечественной;

1945-й — над Москвой, над страной, над всей планетой прогремел салют великой Победы...

Ярослав Александрович жил этими веками, все остальное — личные радости и невзгоды — имело для него значение сугубо подчиненное, второстепенное.

Он совсем юным вступил в революционное движение — раз и навсегда без сомнений и колебаний избрал для себя дорогу борьбы. И много было у него на этом пути и светлых дней, и тяжелых невзгод. Еще будучи студентом Венского и Краковского университетов, Ярослав Галан деятельно участвовал в работе прогрессивных молодежных организаций. После завершения образования недолго довелось ему учительствовать в Луцке — реакционеры изгнали его из учебных заведений, как им казалось, навсегда, без права преподавать в будущем. А он стал Учителем для целого поколения — все его творчество воспитывало подлинный патриотизм, веру в неминуемое торжество правды, справедливости. Он вошел в литературу в середине двадцатых годов, чтобы остаться в ней не только всю оставшуюся жизнь, но и после того, как весь Львов — от мала до велика — проводил его в последний путь...

Получили свое по заслугам бандиты-убийцы, и не будем сегодня напоминать их имена — они забыты, проросли чертополохом. А подвиг писателя-коммуниста вечен: проходят дни, годы, десятилетия — благодарный народ поименно помнит своих героев.

Веселый, общительный, необыкновенно щедрый душой человек, Ярослав Галан избрал своим оружием в борьбе слово и пользовался этим оружием талантливо и

да догадывались, где лежит эта мифическая «Батагония»...

Двух врагов Галан ненавидел неистово, страстно: фашизм и буржуазный национализм. С 1942 года работал он комментатором радиостанции им. Т. Г. Шевченко, а чуть позже — радиостанции «Дніпро», действовавшей у линии фронта. Страстным своим писательским словом он звал к победе. Как клятву, он написал о себе: «Я и в дальнейшем, как и теперь, буду выполнять свой классовый долг и беспощадно бороться с явным и тайным фашизмом».

Ему очень повезло: в сентябре 1945 года газета «Советская Украина» направила его в качестве своего специального корреспондента в Нюрнберг на процесс над главными гитлеровскими преступниками. Об этом Галан мечтал всю длинную жестокую войну, все ее дни и ночи, особенно те, когда его родная земля стонала под фашистским сапогом. Когда все уже было позади, Галан все равно не мог забыть пережитое. Это и о себе он писал пронзительно и больно:

— В воробьиную ночь, в болезненном видении, когда на сердце ложится тяжелый, как скала, камень, людям мерещатся горящие города, всплывающие в крови дети, они одновременно видят самодовольные эсэсовские морды и людей-гиен, которые шарят среди трупов и пожарищ. «Гиенами» называет здесь Галан националистических писаков, «мамелюков пера», чьих история и совесть народа отметилим канючьими печатями.

Об этом я вспомнил, когда читал злобные писания нынешних последышей националистов, укравшихся от народного гнева в разных дальних странах. Галан пророчески предвидел их судьбу: «Беспорывное шатание из угла в угол, из-под окна одного дома под окно другого, и так — до смерти под чьим-то порогом».

Мог ли он думать, что в музее Тараса Шевченко в канадском городе Палермо, который создали прогрессивные украинцы, в давние годы покинувшие родную землю, будут рядом с книгами выдающихся украинских и русских писателей стоять и его книги?

Для подлинного таланта, отданного народу, и бесконечность океана — не препятствие...

А во внешне тихом, утонувшем в зелени канадском Виннипеге на фасаде одного из домов уныло повисла желто-блакитная тряпка с трезубцем — живы еще последыши тех, кто в тяжелые годы войны, в первое послевоенное, еще иррациональное боями время поднял на народ нож, стрелял ему в спину... И пока они живы — слово писателя-коммуниста Галана звучит и предостережением, и призывом к бдительности.

Из Нюрнберга Галан написал ряд поли-